

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страха в меня не вселит  
Торда трусливое слово,  
Меч властителя сечи  
Вражьёю вспоен кровью<sup>1</sup>.

*Сага о Гисли*<sup>2</sup>

В предрассветном сумраке затаились, сложив крылья, и замерли в ожидании пернатые хищники.

На волнах, идущих с моря, покачивалась полудюжина драккаров. Они казались безлюдными, и длинные реи со сложенными парусами на носу и корме бесшумно описывали полукружья в воздухе. На каждом судне вдоль верхнего бруса планширя были прибиты круглые щиты. За грациозно изогнутыми форштевнями, вырезанными из мореного дуба в виде птиц и драконов, примерно в миле впереди лежало южное побережье Ирландии, и разрыв в береговой линии образовывал кратчайший водный путь к монастырю, расположенному в местечке под названием Клойн. Полоска суши едва угадывалась в полумраке, который уже не рассеивал тусклый свет ущербной луны.

Флот пришел сюда из Дуб-Линна, он двигался под парусами и на веслах сначала на юг, а потом на запад вдоль побережья. Прошлой ночью викинги вытащили свои корабли на песчаный берег в нескольких милях отсюда. Разбуженные за несколько часов до рассвета, воины столкнули драккары на воду. Ночь выдалась тихой и безветренной, и потому они налегли на длинные весла, чтобы пройти последний отрезок пути вдоль побережья, пока не оказались здесь, в этом самом месте, где им предстояло высадиться на берег, а потом штурмовать форт, дабы захватить город и монастырь. Уже через какой-нибудь час они

<sup>1</sup> Здесь и далее «Сага о Гисли» цитируется в переводе О.А.Смирницкой. (Примеч. пер.)

<sup>2</sup> «Сага о Гисли» — исландская родовая сага, существовавшая в устном бытовании с X века и записанная в XIII веке. В «Саге о Гисли» рассказывается об исторических событиях, которые произошли на западе Исландии в середине X века. (Примеч. пер.)



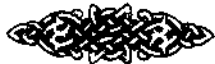
рассчитывали взять в плен всех мужчин, женщин и детей на расстоянии трех миль в округе, население которой, как они надеялись, даже не подозревало об их присутствии.

Корабли разительно отличались друг от друга размерами. Те, что поменьше, имели на борту по двадцать-тридцать человек, размещавшихся в тесноте и давке, тогда как длинные и стремительные драккары с двадцатью парами весел легко могли вместить вдвое больше людей на палубах своих низко сидящих и изогнутых корпусов с хищными обводами. В общей же сложности около трехсот викингов замерли в напряженном ожидании, разлившимся в сыром и прохладном предутреннем сумраке.

Но отнюдь не предстоящая схватка заставляла их нервно поживать и вздрагивать. Совсем напротив. Предвкушение кровавой сечи поднимало им настроение и горячило кровь, ведь именно ради этого они и пришли сюда. Многие воины, вглядываясь в сумрак впереди, думали сейчас о стене щитов, ударах меча и о том, как лезвие боевого топора находит очередную жертву, и подобные размышления вселяли в них чувство спокойствия и уверенности.

А вот темноту они не любили. Точнее, норманны ее ненавидели. Если живых существ они не боялись, то твари, таившиеся во мраке, не принадлежащие к миру людей, скрывающиеся в потаенных местах на берегу или, хуже того, в бездонных глубинах под килями их кораблей, вселяли в них неизбывный ужас. Поэтому они сидели на своих банках, поправляя кольчуги и проверяя оружие. Северяне ожидали восхода солнца, а также приказа взяться за весла и двинуться к далекому пока еще берегу.

На корме драккара под названием «Черный Ворон», глядя на полоску суши и положив ладонь на рукоять меча, стоял, широко расставив ноги, Торgrim Ночной Волк. Другой рукой он теребил металлическую застежку тонкой работы, удерживающую на его плечах подбитую мехом накидку, в которой запуталась его борода. Она уже давно не была угольно-черной, как в молодости. Несколько недель назад он поймал свое отражение в серебряном кубке и отметил, что бороду его уже посеребрила седина, похожая на последние снежные заносы, еще не до конца растаявшие в тени.



Под ногами у него вздрогнула палуба, и он почувствовал, как судно легло на борт, уходя с курса. Он повернулся было к рулевому, чтобы приказать тому не зевать, но вовремя спохватился, вспомнив, что корабль ему не принадлежит. Несмотря на то что он стал на борту почетным гостем, реальной власти у него не было.

Владел этим кораблем и командовал теми норманнами, что сидели сейчас на гребных банках, Арнбьерн Торусон, который благодаря своей сверкающей улыбке получил прозвище Арнбьерн Белозубый. Торgrim едва различал его смутный силуэт у противоположного борта. Торgrim спросил себя, а не обратить ли внимание владельца на то, как его судно рыщет по волнам, но, поскольку столкновение с соседними кораблями им пока не грозило, Торgrim решил промолчать. Он не имел привычки лезть со своими советами в чужие дела, причем зачастую даже тогда, когда это касалось его напрямую.

Словно почувствовав на себе взгляд Торгрима, Арнбьерн в два шага пересек узкую палубу и остановился рядом, кивнув в сторону далекого берега.

— Что скажешь, Торgrim? — спросил он, и прозвучала в его тоне какая-то небрежная беспечность, отчего Торgrim внутренне ощетинился. — Эти ирландцы, они станут с нами сражаться?

— Трудно сказать. С ирландцами ни в чем нельзя быть уверенным, — неторопливо отозвался Торgrim, тщательно подбирая слова.

Он провел в Ирландии вот уже полгода, многое узнал о стране и народе, ее населявшем, и очень их презирал. Большинство викингов, из тех, кто приплыл сюда из Норвегии вместе с ним и Орнольфом Неугомонным, уже погибли в бесконечных стычках, которые, казалось, неотступно следовали за Коронай Трех Королевств, словно рассерженный пчелиный рой. Те же, кто уцелел, оказались в море без руля и ветрил на утлой ирландской лодчонке, деревянный каркас которой был обтянут шкурами, и лишь волею случая прибились к огромному флоту Олафа Белого, который направлялся в Дуб-Линн, чтобы выбить оттуда датчан.



— Трудно сказать что-либо определенное, — вновь повторил Торgrim.

Арнбьерн стоял в нескольких футах от него, и его массивная фигура в подбитой мехом накидке терялась в предутреннем сумраке. Выдавал его лишь ослепительный блеск зубов. Торgrim отвернулся, глядя в сторону берега. Ему показалось, что рассвет уже близок, поскольку земля стала различаться куда отчетливее.

— Иногда они готовы бежать без оглядки при одном только виде драккара, — продолжал он, — а иногда упираются и дерутся, как бешеные. Зачастую это зависит от того, что делают их соседи. Каждый третий ирландец — король чего-нибудь или лорд какого-нибудь коровьего пастбища. Если они воюют друг с другом, то у них не хватит ни людей, ни духу, чтобы сражаться с нами. А вот если они решат держаться вместе, то смогут сколотить приличную армию и дать нам настоящий бой.

Арнбьерн немного помолчал.

— Понятно, — протянул он наконец. — Ладно, скоро увидим, чем все это для нас обернется.

А Торgrim тем временем вспоминал, как был здесь в прошлый раз, вот так же стоял на палубе драккара в предвкушении хорошей драки. Тогда они намеревались захватить Дуб-Линн, что не потребовало от них особых усилий. Олаф привел с собой огромное войско, а Дуб-Линн был уже не отдаленным форпостом, цепляющимся за ирландское побережье, а большим поселением с лавками, пивоварнями, кузнями, столярными мастерскими и прочими торговыми и ремесленными предприятиями, владельцам которых было глубоко наплевать на то, кто правит городом, лишь бы им не мешали зарабатывать себе на жизнь. Те немногие датчане, что пожелали умереть, защищая Дуб-Линн, быстро распрощались с жизнью, а все остальные приняли новых хозяев города с поистине философским безразличием.

Орнольфа Неугомонного и Олафа Белого, знавших друга много лет и бывших хорошими друзьями, объединяла общая страсть к вкусной еде, выпивке и женщинам, причем в форте все это наличествовало в изобилии. Вскоре Орнольф уже утверждал, что Дуб-Линн — столь же приятное место, как